РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. ІЮНЬ. 1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Николаевича Муравьева. Грав. И. Хельмицкій.

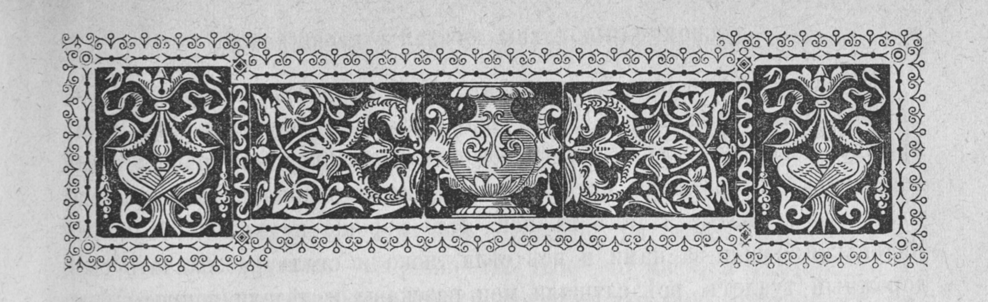

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1898.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1898 г.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XVII [1]).

Возвращеніе въ Огарево.—Жизнь въ деревнѣ. — Управляющіе: одинъ воръ, другой нигилистъ. — Брильянтъ, послужившій основаніемъ добраго дѣла — Отъѣздъ въ Петербургъ. — Паденіе бабушки Потемкиной съ подъемной машины.—Дебютъ Лавровской.—Учитель пѣнія. — Астрономъ и его лекціи.— Завтракъ во дворцѣ великаго князя Николая Николаевича. — Первый балъ у графа А. Толстого. — Б. Маркевичъ. — Концертъ. — Пятая симфонія Мендельсона.

Какъ ни хорошо мнѣ было у бабушки въ Петербургѣ, но родное гнѣздышко тянуло къ себѣ, и я написала мамà о своемъ желаніи возвратиться поскорѣй домой, въ Огарево. Бабушка также не противилась моему желанію, находя его очень естественнымъ, и вскорѣ, а именно 20-го мая, благословила меня въ путь.

Какъ радостно было, послѣ пятимѣсячнаго отсутствія, подъѣзжать къ дому и видѣть милыя, сіяющія лица всѣхъ своихъ. Сестры бѣжали навстрѣчу намъ, посылая воздушные поцѣлуи, и поровнявшись продолжали бѣжать рядомъ съ экипажемъ.

Около подъѣзда стояла цѣлая толпа все знакомыхъ лицъ нашей большой дворни, и между ними—вотъ и мамà радостная, веселая...

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1898 г.

Перецѣловавъ всѣхъ, я вошла въ домъ, и сестры потащили меня въ мою комнатку, которую я не узнала: такъ ее разукрасили къ моему пріѣзду. Она вся была обтянута розовымъ каленкоромъ, мебель обита хорошенькимъ розовымъ ситцемъ. Ландыши наполняли своимъ ароматомъ мою комнатку и такъ въ ней было хорошо и уютно!.. Мама съ Катенькой вошли за нами и всѣ сѣли, пока я стала разоблачать свой дорожный туалетъ, всѣ слушали мои разсказы и дѣлали вопросы безъ конца.

Жизнь наша потекла мирно, спокойно. Всѣ были заняты своими маленькими хлопотами и занятіями. Мать продолжала хозяйничать, хотя не такъ уже усердно; она утомилась за послѣдніе годы многими неудачами.

До реформы во всѣхъ отношеніяхъ было легче вести хозяйство: люди были свои и люди преданные; у нихъ былъ страхъ Божій, страхъ обидѣть своихъ господъ; не крали они, а берегли господское «пуще ока своего», ихъ же замѣстители не смотрѣли уже на господское добро, какъ на свое, поэтому не берегли его, не гордились господскимъ благосостояніемъ, а смотрѣли, какъ наемники, на хозяйское имущество съ цѣлью—какъ бы извлечь изъ него свою выгоду и при удобномъ случаѣ присвоить себѣ это чужое. Наши крѣпостные люди насъ не покинули съ объявленіемъ эмансипаціи и всѣ остались при своихъ должностяхъ; но старые бурмистры и приказчики терялись съ новыми порядками. Матери посовѣтовали взять управляющаго болѣе образованнаго и вполнѣ грамотнаго.

Одинъ изъ друзей матери рекомендовалъ какого-то господина, и мама поручила ему управленіе своимъ имѣніемъ, а сама занялась усердно опекунскими дѣлами, т. е. имѣніемъ отца нашего, дѣла котораго были запутаны и приходилось выплачивать долги, часто отлучаясь изъ Огарева. Имѣя довѣрчивый характеръ и при этомъ привыкшая къ честнымъ крѣпостнымъ людямъ, мать и къ новому управляющему отнеслась съ полнымъ довѣріемъ, въ чемъ пришлось ей раскаяться, но поздно, такъ какъ этотъ образованный управляющій забрался въ самую чащу Огаревскаго лѣса и началъ хозяйничать тамъ по своему и для себя, увѣряя, конечно, мѣстныхъ жителей, что это по приказанію княгини рубятъ лѣсъ и продаютъ его. Мы съ мама̀ продолжали наши прогулки въ лѣсъ на пчельникъ и, не углубляясь въ чащу не подозрѣвали, что лѣсъ рѣдѣетъ и что оставлена для нашихъ прогулокъ опушка, а середина опустошается. Какимъ-то случайнымъ образомъ кто-то донесъ объ этомъ мама̀; вначалѣ она приняла это извѣстіе за клевету, но, когда объѣхала весь лѣсъ, ей пришлось убѣдиться въ правдѣ; она сама въ собственномъ своемъ лѣсѣ встрѣтила татарина-хозяина, купившаго участокъ лѣса у образованнаго управляющаго. Убытку она понесла тысячъ 20; хотѣла она пре-

дать суду этого вора, такъ какъ можно было доказать, что онъ подписался даже подъ-руку мамà, но ради его большой семьи сжалилась надъ нимъ и, прогнавши изъ Огарева, простила.

Образованнаго управляющаго-вора замѣстилъ нигилистъ-управляющій съ стремленіями къ тому же воровству, но слово «воровство» замѣнялось имъ другимъ—теоріей «что твое—то мое», а тѣмъ болѣе достояніе княжеское считалось имъ, болѣе чѣмъ чье-либо, достояніемъ коммуны, о которой онъ мечталъ, и можно себѣ представить, какъ подобный господинъ соблюдалъ интересы своей довѣрительницы.

Теперь обращаюсь мыслями опять къ добрымъ людямъ Огарева.

Трудолюбивая наша Катенька занималась больными, которыхъ лечила гомеопатіей, и бѣдными, узнавая ихъ нужды; она передавала матери нашей объ этомъ, а та продолжала помогать какъ могла; у мамà была копилка, стоявшая около образницы, куда она при каждой получкѣ денегъ несла вклады для своихъ бѣдныхъ.

Соня, сестра моя, занималась обученіемъ грамотѣ нѣсколькихъ дѣвочекъ, въ чемъ поощрялъ ее нашъ священникъ, который на свои средства открылъ въ селѣ школу и пожертвовалъ для этого свою баню, и занимался самъ съ мальчиками.

И такъ каждый вносилъ свою лепту въ дѣло милосердія и пользы.

Соня была самая ретивая изъ насъ трехъ: усердно занималась музыкой, съ любовью относилась къ наукамъ, къ чтенію серьезныхъ книгъ, а главная ея жажда была къ добру и правдѣ: это была маленькая Татьяна Борисовна. Она любила весь свѣтъ, хотѣла видѣть всѣхъ счастливыми и страдала за несчастныхъ и бѣдныхъ. Мнѣ казалось, что каждый кусокъ хлѣба, который она подносила ко рту, мучилъ ея совѣсть, заставлялъ думать, что не всѣ люди имѣютъ его.

И глаза ея прелестныя часто смотрѣли далеко куда-то и черноволосая головка задумчиво наклонялась на грудь... и уходила она тогда куда-нибудь въ уголокъ, садилась читать, проводя цѣлые дни за любимыми своими писателями и поэтами: Некрасовымъ, Тургеневымъ, Бѣлинскимъ. Мамà, долго не видя ее говорила: «Наша Сонюшка все по угламъ»... и шутя называла ее не героиней, а героинкой.

Когда мы ѣздили въ гости, она всегда и туда тащила съ собою цѣлую библіотеку; мамà ей это запрещала, такъ какъ въ гостяхъ, конечно, эти книги не читались; для нея же было это большимъ лишеніемъ оставлять дома своихъ друзей-писателей и, несмотря на любовь къ матери, ослушивалась и просила горничную потихоньку положить книги на дно сундука. Однажды, когда мы гостили у нашихъ сосѣдей, Сонѣ пришлось спать на клеенчатомъ диванѣ, подъ подушкой ея покоились книги, тщательно укрытыя отъ взоровъ матери; я съ мамà также спали въ этой комнатѣ; вдругъ ночью мы были разбужены ка-

кимъ-то шумомъ, оказалось, что это Соня скатилась съ скользкаго дивана, и когда мама̀, испуганная, зажгла свѣчу, предъ нами предстала слѣдующая картина: Соня сидѣла на полу, испуганная и окруженная подушкой, одѣяломъ и кучею книгъ... Это такъ было смѣшно, что я хохотала ужасно, а мама̀ съ укоромъ воскликнула: «Сонюшка опять ты съ своими книгами»!..

Она не любила имѣть вещи лучше и красивѣе насъ. Въ моемъ отсутствіи тетя Герасимова прислала ей кольцо мужа своего съ великолѣпнымъ брильянтомъ. Когда я пріѣхала изъ Петербурга, Соня хотѣла мнѣ его подарить, я, конечно, не приняла этого великолѣпнаго подарка; тогда она сказала: «ну я подарю твоему жениху!» на что я ей отвѣтила, что если будетъ таковой, я ему не позволю принять этого брильянта. И такъ она всѣмъ его дарила и, къ ея горю, всѣ отказывались отъ ея подарка. Мама̀ утѣшила ее, предложивъ ей купить у нея это кольцо за 700 рублей и на эти деньги сдѣлать доброе дѣло; она съ радостью приняла это предложеніе и начала думать, что бы сдѣлать съ этими деньгами? Пріѣхалъ братъ Евгеній и посовѣтовалъ устроить крестьянскій банкъ, обѣщая съ своей стороны сдѣлать взносъ въ 1.000 рублей. Устройство банка заинтересовало всѣхъ жителей Огарева; итакъ начало банка въ Огаревѣ положилъ Сонинъ брильянтъ, но къ сожалѣнію банкъ существовалъ недолго. Пока Огарево было въ рукахъ у матери все шло отлично и мирно. Катенька съ батюшкой всю душу свою вложили въ него, но когда Огарево перешло въ другія руки, крестьяне, подбиваемые мошенниками, желавшими стать во главѣ правленія, дѣлали столько непріятностей священнику и Катенькѣ, что пришлось ликвидировать дѣла.

Исторія брильянта не кончилась: когда Соня сдѣлалась невѣстой, мама подарила его Сониному жениху съ тѣмъ, чтобы онъ поднесъ его своей невѣстѣ; и такъ этотъ брильянтъ, приносившій пользу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ добромъ дѣлѣ, которымъ не съумѣли воспользоваться огаревскіе крестьяне, вернулся опять къ своей хозяйкѣ.

Съ наступленіемъ осени меня стали опять собирать въ Петербургѣ, но мой отъѣздъ пришлось отложить на нѣкоторое время: мы получили грустную, тяжелую вѣсть о бабушкѣ Потемкиной.

Намъ писали, что она больная, хотя внѣ опасности, лежитъ не дома, а во дворцѣ великаго князя Николая Николаевича, вслѣдствіе паденія ея тамъ съ подъемной машины.

Вотъ какъ описывала это происшествіе сама бабушка.

«Это было 22-го ноября. Бракосочетаніе великой княжны Евгеніи Максимиліановны было объявлено, и великая княгиня Александра Петровна пригласила насъ отпраздновать это счастливое событіе теплой молитвой въ ея церкви. Я съ радостью поспѣшила присоединиться къ

моимъ друзьямъ, но чтобы сократить свой путь и избѣгнуть толпы, я велѣла поднять себя на подъемной машинѣ. Хотя я и знала объ опасности, ожидавшей меня, но я надѣялась, что ее избѣгу. Я была уже почти у цѣли, какъ вдругъ канатъ, посредствомъ котораго поднималась машина, лопнулъ, и я полетѣла съ самой вышины съ такой быстротой, что и представить себѣ невозможно. Я сознавала всю опасность моего положеніе и каждую секунду была готова отойти въ вѣчность. Страшный трескъ... и машина разбилась въ дребезги...

«Меня вынули оттуда совершенно разбитой, но голова моя была свѣжа, а сердце—спокойно; я чувствовала только страшную боль въ поясницѣ. Мое паденіе всѣхъ ужасно перепугало и великая княгиня Александра Петровна не пустила меня домой, а оставила у себя на шесть недѣль. Въ это время она окружила меня самымъ тщательнымъ уходомъ и, благодаря старательному лѣченію, моя боль утихла и я вернулась домой. Все мое нездоровье кончилось сильнѣйшимъ насморкомъ, который затѣмъ перешелъ въ катаральный. Это паденіе было послѣдней эпопеей въ моей жизни. Я чувствовала, что если и вернусь къ жизни, то для того только, чтобы приготовиться къ смерти. Я усердно просила Господа помочь мнѣ достойно подойти къ этой страшной и блаженной минутѣ, когда я перейду въ другой, неизвѣстный мнѣ міръ.

«Послѣ моего паденія, доктора отправляли меня за границу; но меня влекло въ Святыя Горы, гдѣ здоровый воздухъ, къ которому я такъ привыла, могъ меня вполнѣ излѣчить, да при томъ и желаніе моего мужа, чтобъ я ѣхала въ деревню—все это заставило меня забыть о чужихъ странахъ и поѣхать въ Святыя Горы. Я выѣхала изъ Петербурга въ концѣ мая и теперь вполнѣ отдыхаю и нравственно и физически, окруженная лаской и любовью моихъ близкихъ. Меня здѣсь все такъ радуетъ, что я боюсь даже слишкомъ предаваться этому счастью! Въ этомъ году было освященіе собора архіереемъ Макаріемъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій). Моя сестра, Александра пріѣхала ко мнѣ на все лѣто изъ Крыма, а съ ней ея племянникъ Гончаровъ. Мещерскій тоже пріѣхалъ на великолѣпное освященіе церкви. Мое здоровье поправляется и въ этотъ день я себя чувствовала хорошо, такъ что могла присутствовать на вторичномъ благословеніи этого святаго мѣста».

Когда бабушка переѣхала въ свой домъ, насъ извѣстили о томъ, и я поѣхала къ ней.

Весело, незамѣтно проѣхали мы съ братомъ 350 верстъ до Нижняго, а тамъ двое сутокъ въ вагонѣ до Петербурга — и вотъ я опять на Милліонной въ своихъ маленькихъ комнаткахъ на антресолѣ, окруженная ласкою и баловствомъ доброй моей бабушки.

Видимой перемѣны въ ея здоровьѣ я не нашла; она была все такъ же бодра, неутомима и дѣятельна; только жаловалась на сломанную руку,

говоря, что она перестала быть ей послушной, и поблагодарила Бога, что Онъ сохранилъ ей правую руку, которая была ей еще такъ нужна!

Сожительница моя и компаніонка m-me Hertz (Герцъ), которую бабушка пригласила для меня, была родомъ изъ Лифляндіи, съ очень симпатичной наружностью, хорошо воспитанная и порядочная музыкантша; она произвела на меня съ перваго раза самое хорошее впечатлѣніе, и несмотря на то, что ей было 37 лѣтъ, а мнѣ 17, мы съ перваго вечера, проведеннаго вмѣстѣ, полюбили другъ друга, а черезъ нѣсколько дней сдѣлались друзьями.

Музыка, которую мы обѣ любили восторженно, соединила еще болѣе нашу дружбу. Играя симфоніи Бетховена, мы иногда обѣ въ одно время начинали плакать...

Когда же я веселилась, хохотала, радовалась, она была счастлива, смѣялась со мной и радовалась моимъ радостямъ.

Мы часто ѣздили съ ней въ концерты, оперы и вообще слушали очень много хорошей музыки; на другой день послѣ концерта отправлялись за нотами къ Дюфуру, брали все, что слышали наканунѣ, и, возвращаясь домой, съ жадностью разыгрывали въ четыре руки или на двухъ рояляхъ.

Капри и Ламкинъ продолжали ходить, давать мнѣ уроки. Первый часто обѣдалъ у бабушки и много игралъ. Каждое воскресенье у насъ бывала m-elle Есипова, знаменитая піанистка; тогда она еще училась въ консерваторіи и цѣлыми часами услаждала насъ своей прекрасной игрой.

Въ эту зиму я была на дебютѣ двухъ нашихъ знаменитостей, молодыхъ артистокъ, Есиповой, участвовавшей въ концертѣ своего учителя Лешетицкаго, и Лавровской—въ роли Вани въ «Жизнь за Царя». Лавровская произвела на меня своимъ голосомъ чарующее впечатлѣніе; грудныя ноты ея были могучи, полны и, между тѣмъ, такъ симпатичны! Ни раньше, ни послѣ, ни въ Россіи, ни за границей я подобнаго контральто не слышала. Пѣла она такъ осмысленно, съ такой душой, поражая и восхищая своимъ голосомъ, своей непринужденностью и простотой. Публика приняла ее съ восторгомъ; послѣ первой же пѣсни: «Какъ мать убили», театръ загудѣлъ апплодисментами, а я сидѣла восхищенная, готовая просто прыгнуть на сцену и привѣтствовать молодую артистку!

По поводу пѣнія я разскажу слѣдующій случай. Однажды въ домѣ Татьяны Борисовны появился какой-то датчанинъ, обучающій пѣнію по цифрамъ; но главное достоинство, по его же словамъ, было въ томъ, что у него могли выучиться пѣть въ нѣсколько уроковъ лица, не-имѣющія голоса, и за подобное удовольствіе онъ бралъ только 1 рубль

въ часъ съ каждаго ученика; еще удобнѣе и пріятнѣе было то, что всѣ должны были пѣть вмѣстѣ, т. е. хоромъ—дешево и весело. Всѣ, кому бабушка ни предлагала подобнаго учителя, съ радостью соглашались брать у него уроки. И какъ было не пожелать! Безъ труда, безъ большой траты денегъ пріобрѣтался голосъ и умѣнье имъ владѣть!.. Ученики и ученицы должны были съѣзжаться два раза въ недѣлю у бабушкѣ въ залѣ.

Я пригласила всѣхъ своихъ кузинъ и кузеновъ также пріѣзжать на эти уроки. Съ перваго же раза учителю нашему посчастливилось — съѣхалось человѣкъ 40; тутъ были дамы среднихъ лѣтъ, молодыя, старыя дѣвы, юныя дѣвицы и молодые люди.

Поставили передъ нами черную доску, на которой учитель написалъ цифры, вооружился палкой въ 2 аршина и, размѣстивъ насъ по рядамъ,—старшихъ впереди, а молодыхъ сзади, чему мы очень были рады, такъ какъ смѣхъ начиналъ насъ разбирать и мы боялись строгихъ взглядовъ старшихъ; потомъ сталъ въ уморительную позицію, объясняя намъ названіе цифръ смѣшными какими-то звуками, затянулъ первую ноту, приглашая насъ вмѣстѣ пѣть за нимъ; голосъ его былъ не изъ благозвучныхъ, но когда почтенныя дамы начали ему вторить, стараясь попасть въ тонъ и не попадая,—вышло что-то невообразимо смѣшное!.. и о ужасъ! въ рядахъ гдѣ сидѣла молодежь, послышался сдержанный хохотъ, а когда послѣдовали 2-я и 3-я ноты, тональность совершенно исчезла и вмѣсто «ré» и «mi» слышались дикіе, фальшивые звуки и вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ дружный взрывъ хохота...

Первый урокъ прошелъ болѣе въ смѣхѣ, чѣмъ въ пѣніи. Деньги, собранные съ учениковъ и ученицъ, были у m-me Hertz, и, когда всѣ разъѣхались, учитель бросился на нихъ какъ голодный звѣрь и дрожащими руками считалъ рубли, боясь, вѣроятно, что не всѣ достанутся ему; но, получивъ ихъ сполна, довольный, сіяющій раскланялся съ нами, а m-me Hertz, провожая его печальнымъ взглядомъ и нѣсколькими вздохами, тихо сказала: «pauvre homme! comme il est avide!» Уроки пѣнія продолжались недолго; съ каждымъ разомъ приходилось получать рубли все менѣе и менѣе и пришлось ему выдумать другой способъ пріобрѣтать ихъ.

Возвратясь однажды съ прогулки и принеся съ собою кипу нотъ, мы съ m-me Hertz сѣли за фортепіано разыгрывать ихъ и такъ увлеклись, что не замѣтили сзади себя слушателя. Какъ сейчасъ помню — кончили мы увертюру «Hebrides» Мендельсона и обѣ въ полномъ восторгѣ отъ этой музыки воскликнули: «Oh! que c'est beau!» Вслѣдъ за этимъ услышали сзади себя голосъ, повторившій наше восторженное замѣчаніе и, обернувшись удивленныя, мы увидѣли въ уголкѣ сидящую маленькую, некрасивую фигурку, съ большимъ кокомъ на головѣ, ко-

торая не замедлила встать и, подойдя къ намъ, представилась: «astronome D-r Pitschner, privat-docent à l'académie de Genève». Вслѣдъ за этимъ господинъ астрономъ объяснилъ намъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію читать астрономическія лекціи, но не имѣя знакомыхъ обратился къ «son excellence m-me Potemkine», которую онъ имѣлъ счастье уже видѣть, и она обѣщала ему свою протекцію, а теперь онъ по ея приглашенію явился обѣдать. И каково? — это съ трехъ часовъ дня!... Узнали мы, что онъ будетъ вечеромъ читать у насъ объ астрономіи и привезетъ съ собой всю движущуюся солнечную систему, великолѣпно сдѣланную въ Парижѣ, и если «son excellence m-me Potemkine» заинтересуется его чтеніемъ, она обѣщала попросить принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго принять его и позволить въ его залѣ читать ему лекціи на французскомъ языкѣ.

Побесѣдовавъ съ нимъ немного, мы оставили его дожидаться обѣда, надѣясь вечеромъ услышать отъ него много интереснаго, и удалились въ свои комнаты.

Пришелъ вечеръ; собралось нѣсколько старушекъ слушать астрономическую лекцію, и Пичнеръ, разставивъ свою солнечную систему на большомъ кругломъ столѣ, гдѣ съ трудомъ онъ помѣстилъ ее, пригласилъ всѣхъ насъ слушать его. Всѣ усѣлись на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола и съ любопытствомъ слѣдили за астрономомъ, который завелъ свою машину, и всѣ планеты запутешествовали вокругъ солнца; тогда онъ, увидя произведенный эффектъ на своихъ почтенныхъ слушательницъ, потиралъ себѣ руки съ гордостью, поправлялъ свой уморительный кокъ и наконецъ началъ свои объясненія. Старушки съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на всѣ движущіеся міры и слушали со вниманіемъ толкованія доктора Пичнера, но когда онъ остановилъ свою машину и началъ говорить на плохомъ французскомъ языкѣ тихо, восторженно то понижая голосъ, то возвышая его, и вѣроятно отъ восторга закрывалъ свои маленькіе глазки или для того, чтобы во մракѣ лучше представлять себѣ свои звѣзды, о которыхъ онъ говорилъ, какъ влюбленный, меня и m-me Hertz онъ заразилъ своимъ восторгомъ, но милыхъ старушекъ онъ окончательно усыпилъ своею длинною монотонною рѣчью. Одна за другой онѣ клонили свои головы... и засыпали...

Но вотъ вдругъ господинъ астрономъ открылъ свои глазки и громко восторжено закричалъ: «Maintenant je vais finir, par vous expliquer ce que c'est que les Nebuleuses sont...» Всѣ вздрогнули, проснулись и, покачивая головами, дѣлали видъ, что все прослышанное очень интересно, что онѣ все слышали и ужъ никакъ не спали, такъ что Пичнеръ остался въ полномъ удовольствіи, воображая, что онъ произвелъ большой эффектъ и, вѣроятно, заранѣе видѣлъ себя въ залѣ принца Оль-

денбурскаго, на эстрадѣ, поучающимъ русское аристократическое общество...

Желаніе его не замедлило осуществиться: зала во дворцѣ принца Петра Георгіевича была ему дана и лекціи его начались, но нельзя сказать, чтобы публики было много; бѣдный Пичнеръ разсчитывалъ на большее число слушателей, но пустые стулья преобладали числомъ надъ занятыми. Я же съ m-me Hertz остались вѣрными нашему астроному и усердно посѣщали его лекціи.

Онъ, съ своей стороны, не забывалъ приходить обѣдать каждый день къ бабушкѣ Потемкиной и всегда забирался съ 3-хъ часовъ; ходитъ бывало по пустымъ гостинымъ, сложивъ по наполеоновски свои руки... Онъ, повидимому, всѣмъ надоѣлъ — никто съ нимъ никогда не заговаривалъ и часто дѣлали видъ, что его даже не замѣчали. Первые дни его прихода въ домъ мы съ m-me Hertz просто изъ состраданія приходили его занимать, когда бесѣдой, а когда играли по его просьбѣ на фортепіано, а потомъ, разговорившись съ нимъ, мы, заинтересованныя астрономіей, задавали ему вопросы касательно этой науки; онъ обрадовался, что предметъ этотъ насъ интересуетъ, сталъ приносить намъ астрономическія сочиненія, карты и объяснять намъ то, что мы не понимали и не знали, и время для него и для насъ проходило незамѣтно и пріятно. Наконецъ кончилъ онъ свои лекціи въ залѣ принца Ольденбургскаго, пришелъ день его отъѣзда и онъ явился проститься и поблагодарить, «son excellence m-me Potemkine», не забывъ при этомъ подать ей маленькій счетъ: pour une séance d'astronomie dans la sale de son excellence m-me Potemkine 10 roubles et pour 20 leçons d'astronomie avec m-elle la princesse Hélène Galitzine 100 r.

Бабушка позвала меня и спросила: «когда и какіе ты брала уроки у господина Пичнеръ?» на что я ей отвѣтила, что уроковъ я не брала и не просила его о нихъ, а что очень часто съ нимъ бесѣдовала объ астрономіи, не предполагая, что онъ будетъ считать наши разговоры за уроки.

Однажды въ воскресный день, не совсѣмъ еще проснувшись и лежа въ полудремотѣ, я услышала поспѣшные шаги по моей лѣсенкѣ и шуршанье какъ-бы шелковаго платья. Я открыла глаза и увидѣла передъ собой молоденькую бабушкину горничную съ улыбающимся лицомъ; она держала въ рукахъ красивое сиреневое шелковое платье съ длиннымъ треномъ, осторожно приподнимая его надъ поломъ.

— Татьяна Борисовна изволили приказать вамъ надѣть это платье, чтобъ ѣхать съ ними во дворецъ великаго князя Николая Николаевича къ обѣднѣ! — сказала она, показывая мнѣ красивое платье, которое принесла.

Платье это показалось мнѣ знакомымъ; да бабушка недавно на-

дѣвала его на свадьбу княжны Голицыной. И какъ-же я надѣну его? какъ оно будетъ сидѣть на мнѣ?.. хотя бабушка и одного роста со мной... думалось мнѣ... Но горничная, замѣтя мое недоумѣніе, поспѣшила успокоить меня, и развернувъ платье передо мною, показала, что оно передѣлано по моей таліи. Впослѣдствіи моя добрая бабушка довольно часто дѣлала это, т. е. передѣлывала свои туалеты для меня; это была своего рода хитрость: чтобы не ворчали и не удивлялись тому, что она меня балуетъ, она дѣлала себѣ лишнія платья, такъ какъ надъ ней контроля не могло быть, и, надѣвъ разъ или два, отдавала ихъ мнѣ или передѣлывала для меня.

Свадьба, о которой я упомянула выше, была устроена бабушкой. Княжна Голицына, воспитывавшаяся у своего дѣда Фандуклея, человѣка очень богатаго, полюбила 50-ти лѣтняго старика генерала Краснокуцкаго; дѣдъ ея не соглашался на этотъ бракъ, находя жениха слишкомъ старымъ для своей 17-ти лѣтней внучки, и хотѣлъ лишить ее наслѣдства, если она не послушается его; но Татьяна Борисовна, видя серьезную любовь княжны къ генералу, уговорила дѣда дать согласіе и сама была посаженой матерью; благословеніе ея было имъ на счастье, и старшую дочь они назвали въ память Татьяны Борисовны—Татьяной.

Я рада была ѣхать во дворецъ къ великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ... но эта несчастная застѣнчивость, отъ которой я не могла еще отдѣлаться, отнимала половину того удовольствія, которое я могла имѣть.

Послѣ обѣдни насъ пригласили къ завтраку; къ моему счастію, великій князь Николай Николаевичъ и великая княгиня Александра Петровна были такъ просты въ обращеніи, такъ радушны и добры, что я скоро оправилась отъ страха, захватывающаго все существо людей несмѣлыхъ, и чувствовала себя какъ бы въ своей компаніи, а не въ семьѣ великокняжеской. Завтракъ прошелъ очень шумно, и въ мою честь, какъ вновь пріѣхавшей дѣвицы, собирающейся выѣзжать въ столицѣ, добрѣйшій и радушный великій князь велѣлъ подать шампанскаго и, чокнувшись со мною, выпилъ бокалъ за мой успѣхъ въ свѣтѣ.

Съ легкой руки великаго князя черезъ нѣсколько времени я была приглашена на балъ графиней С. А. Толстой.

Первый балъ для молодой дѣвицы, собирающейся выѣзжать, можно назвать почти событіемъ въ жизни; отъ него зависитъ многое.

Моей дорогой матери со мной не было; бабушку мнѣ совѣстно было безпокоить и я сама начала придумывать туалетъ. Во-первыхъ, я была увѣрена, что мать сшила бы мнѣ бѣлое платье, потому что это былъ ея любимый цвѣтъ, я остановилась на этомъ цвѣтѣ; но, однако, быть бѣлымъ пятномъ мнѣ показалось некрасиво, я вспомнила, что кораллы,

которые мнѣ братъ привезъ изъ плаванія, будутъ мнѣ къ лицу, а чтобы прибавить еще жизни и элегантности туалету, у меня блеснула мысль очень удачная, какъ мнѣ показалось: заказать красныя туфли... Итакъ, я остановилась на бѣломъ платьѣ, кораллахъ на шеѣ и красныхъ туфляхъ. На этихъ соображеніяхъ застала меня одна изъ моихъ тетушекъ, пріѣхавшая ко мнѣ; я сообщила ей, что приглашена на балъ, поспѣшивъ описать придуманный мною туалетъ; тогда тетушка съ ужасомъ воскликнула: «да ты будешь похожа на гуся!». И въ самомъ дѣлѣ я была бы бѣлымъ гусемъ съ красными лапками! Спасибо тетушкѣ.

Наконецъ пришелъ ожидаемый и желанный вечеръ. О платьѣ позаботилась дорогая бабушка. Оно было очень простое: бѣлое тарлатановое, украшенное длинной, водяной зеленью и бѣлыми лиліями; кораллы не помѣшали, я ихъ все-таки надѣла.

До какой глупости иногда доходятъ дѣвицы! Я вообразила, что безъ куафера на балъ невозможно причесаться, поэтому былъ приглашенъ г. Альфредъ съ Морской; и что онъ сдѣлалъ съ моей несчастной головой!.. Тогда носили длинныя букли, онъ меня увѣрилъ, что если сдѣлать локоны изъ моихъ волосъ, то онѣ разовьются, а потому наградилъ меня фальшивыми, взявши съ меня за нихъ 25 рублей; изъ моихъ же волосъ онъ сдѣлалъ большой шиньонъ, какой тогда носили, но такъ какъ волосъ было въ избыткѣ, то ему пришлось усердно укалывать и, не жалѣя шпилекъ, онъ вкололъ въ мою несчастную голову 125 штукъ плюсъ 25-ти рублевыя букли.

Но тогда это было нипочемъ, голова была такъ свѣжа, такъ молода, что все выносилось. Я должна сказать въ свое оправданіе, что въ первый и послѣдній разъ меня причесывалъ куаферъ, я предпочитала потомъ всегда простую прическу, которую мнѣ устраивала моя Дуняша.

Одѣвшись, я пошла показаться бабушкѣ. Всѣ находящіяся въ комнатѣ за чайнымъ столомъ обступили меня, оглядывая со всѣхъ сторонъ, а у меня сердце уже начинало стучать отъ предстоящаго удовольствія и отъ волненія...

Мнѣ предложили чаю; я усѣлась на кончикѣ стула, боясь измять свое платье, осторожно взяла чашку чая, который въ другой разъ выпила бы съ удовольствіемъ, закусывая вкусными булочками и сладкими крендельками, но теперь я не смѣла до нихъ дотронуться, боясь испачкать бѣлыя перчатки, и несмотря на маленькіе глотки, какими я пила чай, онъ застрявалъ у меня въ горлѣ; услышавъ, что подана карета, я, недопивъ чай, быстро встала, получила благословеніе отъ бабушки и пожеланіе веселиться отъ всѣхъ присутствующихъ, поспѣшно вышла, сопровождаемая M-me Герцъ.

Ночь была морозная; отъ лошадей такъ и валилъ паръ, и быстро они мчались, какъ бы подгоняемыя моимъ нетерпѣніемъ. Скоро мы оста-

новились на Гагаринской набережной у освѣщеннаго подъѣзда графини Толстой.

Швейцарская была полна пріѣхавшими, и каждую секунду, пока мы съ M-me Герцъ разоблачались, дверь отворялась и впускала то дамъ въ кружевахъ, шелку и брильянтахъ, то блестящихъ офицеровъ, гремѣвшихъ шпорами и саблями, то штатскихъ, и всѣ быстро снимали шубы, быстро поднимались по лѣстницѣ, раскланиваясь съ дамами и весело разговаривая съ нѣкоторыми; у всѣхъ было написано на лицахъ оживленіе, удовольствіе, у многихъ самодовольствіе.

Къ моему ужасу я не встрѣтила ни одного знакомаго мнѣ лица!

Очутившись одна въ залѣ среди пестрой и элегантной толпы, я искала глазами знакомое лицо, но вотъ наконецъ увидѣлъ меня хозяинъ дома, графъ Толстой. Съ привѣтливой улыбкой онъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко по-русски пожалъ мнѣ руку и повелъ къ графинѣ; она ласково посмотрѣла на меня и сказала:

— C'est votre premier bal, il faut que vous vous y amusiez, и, подозвавъ свою племянницу С. П. Бахметьеву, поручила ей представлять мнѣ кавалеровъ.

Графиня была некрасива, но сложена превосходно, и всѣ движенія ея были до такой степени мягки, женственны, а голосъ ея былъ такъ симпатиченъ и музыкаленъ, что, слушая ее, понятно было, что она вдохновляла своего мужа-поэта.

Когда читаешь лирическую поэзію графа Алексѣя Толстого, она живая встаетъ въ вашихъ глазахъ во многихъ его стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ:

„Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.
„Мнѣ станъ твой понравился тонкій,
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой и грустный, и звонкій
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ“.

Новые знакомые мои, которыхъ хозяйка бала подводила ко мнѣ представлять ихъ, смѣняли одинъ другаго.

Вальсъ не умолкалъ, и я въ упоеніи носилась съ ними по залѣ подъ нѣжные, иногда совсѣмъ умирающіе звуки извѣстнаго тогда тапера Шмидта, совершенно входя въ свою новую сферу, заражаясь веселымъ бальнымъ настроеніемъ.

Въ антрактѣ между танцами ко мнѣ подошли нѣсколько генераловъ, товарищей моего отца; узнавъ, что я дочь князя Юрія Голицына, они хотѣли со мной познакомиться и всѣ такъ симпатично говорили о своемъ старомъ товарищѣ «Юркѣ Голицынѣ», вспоминая его юношескія ша-

лости, остроты, съ любовью разсказывали мнѣ о немъ; а я слушала ихъ и, видя въ товарищахъ отца дружескую симпатію къ нему, стояла растроганная, счастливая и гордая, что мой отецъ, несмотря на десятки лѣтъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ его не видѣли въ кругу товарищей, не былъ ими забытъ и вспоминался добрымъ словомъ. Товарищи отца особенно мнѣ показались милы, и я даже одного изъ нихъ графа Ностица навсегда окрестила въ симпатичнаго графа.

Но кто меня окончательно очаровалъ въ первый мой выѣздъ—это Б. Маркевичъ, нашъ талантливый романистъ. Онъ былъ красавецъ, и при этомъ все въ немъ было элегантно и благородно; его открытый бѣлый лобъ, пышные бѣлокурые волосы придавали его лицу что-то особенно красивое и поэтическое. Онъ также пожелалъ быть мнѣ представленнымъ.

Нѣсколько тактовъ мазурки, любимаго танца всѣхъ тѣхъ, кто умѣетъ ее хорошо танцовать, произвели волненіе между кавалерами. Они стремились къ своимъ дамамъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ танцахъ, такъ какъ рѣдко приходится кавалерамъ танцовать мазурку по обязанности, да и дамы, обыкновенно, оставляютъ мазурку для болѣе симпатичныхъ имъ знакомыхъ. Только на первомъ балѣ этихъ ухищреній нѣтъ; и танцуешь съ тѣмъ, кто первый пригласитъ. Моимъ кавалеромъ мазурки былъ Ка—евъ, очень некрасивый молодой человѣкъ, но разговорчивый, такъ что мазурка прошла оживленно.

За ужиномъ мой кавалеръ сдѣлался мрачнымъ и примолкъ; правда, что Маркевичъ, удостоившій меня сѣсть по другую мою сторону, разговаривалъ очень много со мной, такъ что моему кавалеру приходилось молчать, но впослѣдствіи оказалось, что были причины, которыя измѣнили его настроеніе.

Я, какъ дѣвица, пріѣхавшая изъ глуши Пензенской губерніи и воспитывавшаяся тамъ, заинтересовала его, вѣроятно, и онъ не умолкая говорилъ со мной, разспрашивая меня о нашей жизни, о деревнѣ, о народѣ и т. п., а я была въ восхищеніи, что Маркевичъ бесѣдовалъ со мной.

Итакъ, мой первый балъ удался для меня сверхъ моихъ ожиданій и всѣ мои страхи, волненія были напрасны. Я возвращалась домой въ восторгѣ, съ головой, наполненной разными пріятными впечатлѣніями, но съ сердцемъ нетронутымъ.

Проснувшись на другой день послѣ моего перваго бала, я не поняла въ первую минуту, во снѣ ли все это было или на яву, но окинувъ взоромъ комнатку, я увидѣла свое бѣлое платье измятымъ, разбросанные цвѣты по столамъ и стульямъ, котильонные значки, и сказала себѣ, что это былъ не сонъ!

Цѣлый день я ничѣмъ не могла заняться отъ наплыва новыхъ впе-

чатлѣній и ходила изъ комнаты въ комнату, прислушиваясь какъ-будто къ очень отдаленнымъ звукамъ... и звуки эти все напоминали вальсы, мазурки и т. п.

Вечеромъ я должна была ѣхать съ M-me Герцъ въ концертъ и, чтобы не опоздать, я предъ обѣдомъ пошла надѣть подходящій туалетъ; мы любили пріѣзжать къ началу концерта, чтобы прослушать все, что обѣщала программа, а въ этотъ разъ концертъ начинался съ 5-й симфоніи Мендельсона, которая меня очень интересовала и которую я должна была слышать въ первый разъ.

Входя въ залъ пѣвческой капеллы, мы услышали начало 5-й симфоніи Мендельсона. Могущественные аккорды allegro, исполненные оркестромъ, сразу унесли съ собой мою душу, и я не жила между людьми!.. Я слышала въ ней, въ этой музыкѣ борьбу, отчаяніе несчастныхъ страждущихъ душъ—и какъ бы сама ощущала всю пережитую ими земную драму и наконецъ смерть!.. Въ andante я слышала плачъ, просьбу о спасеніи, молитвы, и я не въ состояніи была болѣе удержаться — я плакала... и безъ стѣсненія утирала свои слезы, которыя текли ручьями. Милая Софья Яковлевна Веригина сидѣла около меня и не подозрѣвала о моемъ душевномъ состояніи и о причинѣ его, сама любивши музыку до страсти, ласково глядѣла на меня и, похлопавъ по плечу, сказала:

— C'est tout-à-fait son père-sensible à la beauté de la musique.

Когда же оркестръ заигралъ saltarello, мнѣ представились въ этихъ звукахъ пляска діаволовъ въ аду и ихъ торжество надъ этими несчастными душами. Не знаю, что хотѣлъ выразить въ этой симфоніи великій композиторъ, но настроеніе мое было такое, что другаго я слышать и понимать не могла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

